

2.6. СОЦИАЛИЗМ С ВЬЕТНАМСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ, ИЛИ «АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ»

Новакова Оксана Владимировна

*кандидат исторических наук,
доцент Института стран Азии и Африки МГУ*

В декабре 1986 г. (VI съезд КПВ) во Вьетнаме была провозглашена политика «обновления», что означало новый курс развития на модернизацию и «открытие» страны, в том числе и во внешнеполитическом отношении с целью привлечения иностранных инвесторов, а также переход к либеральным рыночным реформам в области экономики. Были также созданы реальные предпосылки для возвращения Вьетнама в регион ЮВА, восстановления прерванных прежних связей во всех областях – экономического сотрудничества, торговли, дипломатии и культуры, особенно после такого значимого события, как вступление Вьетнама в состав региональной организации АСЕАН в июле 1995 г.

Специфические исторические и политические условия эволюции юго-восточноазиатского региона во второй половине XX в. обусловили возникновение, институциональное оформление и развитие уникальной в своем роде региональной организации, существование которой может рассматриваться в качестве одного из наиболее успешных примеров создания региональной интеграционной группировки в западном мире.

Изначально АСЕАН была создана для экономического сотрудничества, но уже из Бангкокской декларации было видно намерение учредителей развивать и политическое сотрудничество. Поэтому, можно сказать, что в самом общем виде создание и деятельность Ассоциации стран Юго-Восточной Азии относится к процессам регионализации второго типа, то есть выходящим за рамки исключительно экономических аспектов.

Характеризуя АСЕАН, необходимо отметить, что модель регионального сотрудничества в Юго-Восточной Азии оказалась нацеленной, прежде всего, на задачу формирования и сохранения общих ценностей (невмешательство во внутренние дела и уважение суверенитета), а не на функциональную интеграцию. Очевидно также, что деятельность АСЕАН стала существенным аспектом восточноазиатского регионализма, включающего различные аспекты политического и экономического характера.

Присоединение Вьетнама к АСЕАН в 1995 г. стало крупнейшим и положительным событием во внешней политике страны и во многом способствовало улучшению ее политического имиджа не только в данном регионе, но и во всем мире. Это событие открыло для СРВ целый ряд новых горизонтов: удалось покончить с политической изоляцией и выйти на широкую региональную арену, началось, хотя и в малых масштабах, привлечение инвестиционного капитала асеановских партнеров для решения внутренних социально-экономических проблем.

Вступление Вьетнама в АСЕАН в большой мере повлияло на расстановку сил на Индокитайском полуострове и в регионе ЮВА в целом, в дальнейшем же это влияние Вьетнама будет возрастать.

Несмотря на то, что по уровню экономического развития Вьетнам далеко отстает от соседних государств ЮВА¹, в последние годы СРВ превратилась в одного из ключевых и наиболее влиятельных членов АСЕАН, активно влияющих на всю политику региональной группировки в сфере углубления как экономического, так и политического сотрудничества.

На современном этапе, отвечая на вызовы XXI в., страны АСЕАН берут курс на инновационный путь развития. Необходимость такого курса предопределяется стремлением эффективного вхождения в глобальное производство, требующее усиления интеграционного взаимодействия, выработки принципиально новых подходов к производственно-технологической кооперации с зарубежными странами, прежде всего, в рамках региональной интеграции.

Для успешного осуществления этой новой политики Вьетнаму было необходимо избежать каких-либо потрясений и конфликтов внутри страны, особенно после распада Советского Союза. Поэтому стратегией вьетнамского руководства в проведении нового курса стала опора на традиционную для вьетнамского социума идеологию – солидарности и всенародной сплоченности. Эта идеологическая установка была подтверждена всеми последующими (включая и последний по времени – январь 2016 г. – XII) партийными съездами и подкреплена также в национальном масштабе апелляцией к идеологическому наследию президента Хо Ши Мина.

В этой связи стоит подчеркнуть, что в документах XII съезда КПВ (январь 2016 г.) постоянно повторяется аргумент об укреплении всенародной солидарности и национального единства: «При

¹ В 2016 г. душевой ВВП во Вьетнаме составил 2173\$ (132-е место), в Индонезии – 3604 \$(114-е место), в Таиланде – 5899\$ (85-е место). World Economic Outlook Database-April 2017, International Monetary Fund. Опубликовано 18 April 2017.

обновлении необходимо постоянно воплощать принцип “народ – корень всего”, крепить “великое национальное единство”, движение “Весь народ в едином порыве строит культурную жизнь”»².

Вместе с тем, стремясь отвечать на новые «вызовы» конца XX в., руководство КПВ прибегло к использованию опыта Китая и приняло ряд мер по стимулированию развития экономики по образцу китайских реформ. Известно, что КНР уже в середине 1980-х гг. показывала выдающиеся результаты своего экономического развития на путях строительства «социализма с китайской спецификой». Во Вьетнаме в 1986 г. также была принята стратегия «рыночного социализма», или «социализма с вьетнамской спецификой». В основном политика обновления затронула социально-экономический аспект, рыночные реформы позволили снизить социальную напряженность. Одной из особенностей этой стратегии был и остается постепенный, осторожный переход страны от централизованной плановой экономики к рыночным механизмам развития хозяйственной жизни. Компартия Вьетнама не стала будоражить общество ниспровержением прежних традиций и старых авторитетов, идеологических целей и отрицанием прошлой истории. В этом заключается главный «секрет» нового курса строительства социализма с вьетнамской спецификой.

Более того, с провозглашением курса «обновления» во Вьетнаме началась перестройка ортодоксальных коммунистических взглядов. Новый курс строительства вьетнамского социализма с национальной спецификой означал также поворот к историческим и культурным традициям и их включение в политический «багаж» партийного истеблишмента. Кроме того, вызовы XXI века, в том числе глобализация, относительная открытость страны и связанный с этим вопрос ее имиджа в глазах мирового сообщества определили новую политику КПВ, где присутствуют элементы терпимости и компромисса.

В связи с этим руководство КПВ стремится эффективно выстроить «вертикаль власти», на вершине которой находится сама партия. Этой цели служит обращение к духовному наследию и традиционному менталитету. В конце 1990-х годов, после финансово-экономического кризиса характерной чертой эволюции внутренней политики во Вьетнаме стал рост антизападных и националистических настроений. На политико-идеологическую авансцену вышли идеи организации жизни на основе принципов традиционализма и прагматизма с тем, чтобы стабилизировать политическое положение в стране при одновременном продолжении экономического роста³.

Провозглашение курса политики «обновления» (декабрь 1986 г.) вместе с возвращением Вьетнама к политике возрождения традиционных духовных ценностей означало также и утверждение на государственном уровне идеи сохранения и укрепления национальной идентичности, что составляет центральное теоретическое положение современной геополитической доктрины вьетнамского руководства.

Тот факт, что политика «обновления» была провозглашена именно КПВ, дает руководству Вьетнама весомый и своевременный аргумент для утверждения своей легитимности в качестве лидера, руководящего монопольно обществом на современном этапе.

Таким образом, существует ярко выраженная озабоченность руководства Вьетнама и общества в целом проблемой поиска национальной идентичности и ее сохранения в условиях эрозии традиционных ценностей и вызовов XXI в., которые становятся все сложнее и жестче, а опасения утраты национальной идентичности все реальнее. В этом сложном процессе КПВ видит задачу сохранить свой имидж главного гаранта стабильности и безопасности своей страны. Национальные интересы Вьетнама заключаются в том числе, и в том, чтобы отодвинуть угрозу утраты национальной идентичности.

Смягчение угрозы этих вызовов руководство Вьетнама видит в возрождении традиций, где большое место занимают положения конфуцианского учения, оказавшего преобладающее влияние на формирование национального характера и ценностных ориентиров не только вьетнамцев, но и японцев, корейцев, а также путем включения народной мифологии и легенд в исторический контекст для придания веса своей истории, стремясь уравнивать ее с китайской, хотя бы по времени ее длительности. Включение исторической мифологии в историческую канву, апеллирование к далекому прошлому носит не случайный характер: тем самым существенно удлиняется история вьетнамского государства (на 2000 лет), обосновывается древность зарождения вьетнамского этноса, а в целом древняя вьетнамская цивилизация и культура практически уравниваются по времени возникновения с таковыми в Поднебесной⁴.

Происходит обращение к так называемому «народному конфуцианству», к морализаторским положениям конфуцианской культуры, к таким сентенциям как «учить гуманности и человеколюбию», «внимательно относиться к народу как основе», «возвышать гармонию», «соблюдать доверие», «почитать

² Политический доклад ЦК КПВ XII съезду партии // XII съезд компартии Вьетнама. Документы и экспертные оценки. М., ИДВ РАН, 2016. С. 16, 20, 49.

³ *Мосяков Д.В., Тюрин В.А.* История Юго-Восточной Азии. М., 2004. С. 448–449.

⁴ *Новакова О.В.* Вьетнам: поиск культурной идентичности в новых политических реалиях // Губерновские чтения, выпуск 1. М., 2009. С. 261.

справедливость», «стремиться к Великому единению» и т. д. Это узнаваемый набор моральных и социальных ценностей раннего конфуцианства. В него вошла идея «народа как основы», ставшая древнекитайским прототипом демократии, а также утопический идеал общества Великого единения (датун), когда «Поднебесная принадлежит всем»⁵. Но стоит отметить, что уже в древности во Вьетнаме стало формироваться «свое» конфуцианство, обогащенное национальными духовными ценностями.

Конфуцианские традиции были переняты и имели наибольшее влияние именно в области государственной идеологии и управления, его механизмов (государственные конкурсные экзамены, система чиновной иерархии – например, в КНР, так же, как и во Вьетнаме, в настоящее время существует институт кадровых работников – «гань бу», имеющих соподчиненную структуру в формате 15 рангов, что фактически воспроизводит прежнюю «табель о рангах» системы мандаритана), а также структуры государственной вертикали. Надо отметить, что характерной чертой традиционной государственной идеологии является атеизм. Ее носителям чужды мировые религии, в частности, буддизм и христианство, распространенные во Вьетнаме, но особенно враждебны различные суеверия, предрассудки, гадания и т.д., так как они, следуя учению, вносят беспорядок и хаос в логически и иерархически обустроенный космос и социум.

Официальная идеология Вьетнама XIX в., базировавшаяся на конфуцианском учении национальной модификации, по-прежнему отстаивала положения типа: «сохраним верность основам и нормам» (конфуцианские термины) и т.д.

Этот лозунг был своеобразен, но типичен для менталитета страны, отмеченной сильным влиянием дальневосточной цивилизации: «Мораль восточная, техника западная», то есть предполагалось, что возможно перенести на восточную почву технические достижения Запада, не производя каких-либо социально-экономических и идейно-политических изменений в жизни общества. Подобные взгляды распространились не только во Вьетнаме, но и в других странах Восточной Азии под влиянием учений Китая, получивших там название «политики самоусиления».

При всей условности сравнения представляется интересным указать на сходство указанных позиций со взглядами современного руководства СРВ в вопросе «политики обновления», где фактически предлагается то же решение вопроса модернизации страны: не меняя сути политического режима и власти, перенести на вьетнамскую почву технические и финансовые достижения Запада уровня XXI в. и глобализации.

Обозначенные ценности конфуцианской традиционной культуры, по мнению вьетнамского руководства, нужно выявлять и развивать, так как они якобы могут по-прежнему обеспечить существование гармонического общества в современных условиях и защитить национальные культурные ценности от мирной экспансии Запада.

В условиях вызовов XXI в. – эрозии традиционных ценностей и угрозы утраты национальной идентичности, по мере дальнейшей смены поколений элиты – влияние традиционных цивилизационных ценностей в обществе будет только возрастать. Это положение подтверждается тем фактом, что несмотря на радикальный модернизм интеллигенции Вьетнама начала XX века, к которой принадлежал и Хо Ши Мин, у его соратников и многих тысяч современных партийных кадров явственно проявляются в этот переходный период развития вьетнамского общества черты социокультурного наследия прежних концепций так называемого конфуцианского позитивизма⁶.

В своих идеологических воззрениях Хо Ши Мин умело адаптировал основные положения марксизма-ленинизма к вьетнамскому менталитету. В своем Завещании, отрывки из которого еще раз прозвучали на IX съезде КПВ, он подчеркивал, что вьетнамский путь развития должен быть национальным, вьетнамским. Одна из главных идей Завещания звучит как легитимация священного принципа великого национального единения и сплочения (апелляция к конфуцианскому принципу Датун)⁷, что означает, по сути, отказ от демократического плюрализма.

Приверженность Хо Ши Мина национальным традициям, понимание им всего их значения для вьетнамского общества проявлялось во многом. Так, можно указать на удивительный пример посещения им летом 1954 г. древнего храма правителей Хунгов⁸, то есть сразу после окончания войны против Франции в 1954 г., когда этот памятник находился в руинах и во Вьетнаме в то время мало кто думал о давней истории. Но очевидно, что Хо Ши Мин в первые месяцы победы против Франции в тяжелой

⁵ Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. Том XIII, №5 (сентябрь–октябрь), 2015. С. 147.

⁶ Langlét Ph. et Quach Thanh Tam. Introduction à l'histoire contemporaine du Viêt Nam de la réunification au néocommunisme (1975–2001). Paris, 2001. P. 188.

⁷ Завещание Президента Хо Ши Мина // Хо Ши Мин. Избранное. Воспоминания о Хо Ши Мине. М., 1990. С. 220–222.

⁸ Хо Ши Мин в храме королей Хунгов (из фб художника То Тиема-мл.), 1954 г. URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum/memberlist.php?mode=viewprofile&u=2>

и кровопролитной войне посчитал нужным посетить этот исторический памятник для поднятия духа своего народа, так как в истории Вьетнама короли династии Хунг стали символом воли, стремления к независимости и единству государства.

В настоящее время праздник правителей Хунгов и их почитание отмечается в масштабах всего Вьетнама. Уже 26 апреля 2007 г. в торжественной части праздника приняли участие первые лица партии и государства, в том числе Генеральный секретарь КПВ Нонг Дык Мань, Председатель Народного комитета провинции Футхо Нгуен Зоан Кхань, министр Культуры Вьетнама Ле Зоан Хоп и другие официальные лица. Праздник характеризуется пышными церемониями в национальных костюмах, лодочными гонками, посещением храма и пр. Все исторические места провинции Футхо, связанные с династией Хунгов, тщательно охраняются.

Другой пример, связанный с почитанием вьетнамских национальных традиций Хо Ши Мином, относится к драматическим событиям истории Вьетнама новейшего времени. В самом начале войны против Франции Хо Ши Мин выступил с призывом к народу, мобилизуя всю нацию на войну сопротивления против французских колонизаторов. Этот призыв был написан 19 декабря 1946 г. лично Хо Ши Мином в стиле известного исторического национального жанра «ХИТЬ», когда правители или военачальники обращались к народу, или войску в случае начала войны⁹ и известного каждому вьетнамцу.

Для всей вьетнамской нации Хо Ши Мин – вождь и легитимный правитель, обладающий харизмой, который восстановил наибольшую ценность для каждого вьетнамца – независимость и саму вьетнамскую государственность. Указанные качества усиливаются тем, что сама концепция национальной независимости справедливо считается центральным нервом традиционной мысли Вьетнама.

Одно из первых мест в современном Вьетнаме занимает все укрепляющийся посмертный культ Хо Ши Мина – харизматического вождя независимого Вьетнама. Руководство страны во все возрастающем объеме прибегает к идеологии Хо Ши Мина как к одному из базовых средств, цементирующих ставшее уже достаточно социально разнородным вьетнамское общество (особенно это относится к молодым поколениям, не знавшим героического почти 30-летнего периода войн Сопротивления, полных лишений и жертв).

На рубеже веков во Вьетнаме произошел всплеск различных верований, интереса к ним, определенного их возрождения, что стало возможным в формате нового курса политики «обновления», в том числе и культа предков – этого исконно национального, массового и древнего верования вьетнамцев, что также можно расценить как возрождение традиций.

В целом, происходит возвращение на твердую и веками проверенную почву вьетнамской политической традиции, где главным стержнем выступает тандем «партия–государство», и где образ харизматического вождя Хо Ши Мина и его наследие служат важной составляющей политического багажа партийно-государственной власти Вьетнама.

Происходит выработка неких новых концептуальных политических положений. Одно из них – наблюдаемая в политике КПВ тенденция создания некоего синтеза основ марксизма с национальными культурными традициями.

Усилия КПВ по соединению официальной марксистской доктрины с традиционной национальной идеологией и культурой можно рассматривать как средство защиты своей самобытной цивилизации от негативных явлений, которые сопровождают положительные результаты рыночной экономики и общества потребления.

Наиболее рельефно новый имидж Вьетнама проявляется в проводимой им внешней политике открытости и прагматизма. Мир и развитие – вот два главных ориентира нынешнего внешнеполитического курса Ханоя. В своей современной внешней политике Вьетнам стремится сбалансировать отношения с двумя крупнейшими державами мира – как с США, так и с Китаем, не забывая при этом и об укреплении отношений с Россией, в том числе, соблюдая определенное равновесие в дипломатических визитах¹⁰. Например, в 2009 г., за месяц до отбытия с визитом в столицу США премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга, в столицу Поднебесной отправился тогдашний генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань. В 2017 г. в Пекине состоялась встреча министров иностранных дел Вьетнама и Китая Фам Бинь Миня и Ван И. Ван И отметил, что Китай и Вьетнам имеют общие стратегические интересы, потенциал их сотрудничества огромный. «На фоне нынешней международной и региональной ситуации, лишь путем укрепления единства и углубления сотрудничества обе стороны могут совместно противодействовать

⁹ Автограф Хо Ши Мина – призыв к народу на войну сопротивления против французских колонизаторов 19 декабря 1946 года.
URL: www.nhatnam.ru/forum/viewtopic.php?p=77268

¹⁰ Синьхуа, 19.04.2017. Цит. по:
URL: <https://regnum.ru/news/2264969.html>

вызовам и поделиться возможностями развития», – сказал он¹¹. По его словам, обе стороны должны улучшить сотрудничество в рамках инициативы «один пояс, один путь», а также укрепить дружбу между странами на всех уровнях. Страны должны эффективно разрешать противоречия, а также поддерживать позитивное развитие двусторонних отношений, заявил Ван.

Фам Бинь Минь отметил, что вьетнамская сторона уделяет особое внимание отношениям с Китаем и намерена непрерывно укреплять двустороннее стратегическое сотрудничество.

Обе стороны договорились прилагать совместные усилия по поддержанию контактов на высоком уровне, содействию сотрудничеству в торгово-экономической области, углублению обменов между молодежью и в культурной сфере и др.

Обе стороны также выразили готовность к надлежащему разрешению вопроса вокруг Южно-Китайского моря¹².

Обращает на себя внимание риторика обеих сторон. В ней преобладает позитивная тенденция, стремление сохранить диалог, в том числе и по отношению к проблеме конфликта в ЮКМ.

Поддерживая баланс между двумя сверхдержавами, Вьетнам стремится, насколько это от него зависит, сохранить в целом существующий статус-кво в Юго-Восточной Азии. Становится очевидным, что в Ханое придают большое значение важности сохранения баланса сил в регионе, несмотря на конфликт в ЮКМ, учитывая, что рост конкуренции между крупными державами за региональное лидерство может привести к расколу и размежеванию между странами этой части Азии.

В реализации курса на модернизацию страны руководство СРВ возрастающую роль отводит интегрированию Вьетнама в мировое сообщество отчасти для решения экономических проблем, так как по-прежнему в этой области остается неустойчивость развития. Темпы экономического роста во Вьетнаме были сравнительно высокими, но неустойчивыми и неравномерными. Очевидно, что хозяйственное развитие страны во многом зависит от ситуации в мире. Национальный социально-экономический потенциал Вьетнама пока не развит до высокой степени самостоятельности.

Одной из конкретных возможностей в решении этих задач стал для Вьетнама саммит АТЭС 2017 г. Это стало вторым в истории саммитом АТЭС, который проводит Вьетнам. В 2006 году страна уже выступала организатором встречи лидеров экономик АТЭС, которая проходила в Ханое. Свое нынешнее председательство в форуме вьетнамское руководство связывало саммит АТЭС с внешней политикой Вьетнама. Председательство в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) 1 января 2017 г. официально перешло от Перу к Социалистической Республике Вьетнам (СРВ). Выступая на саммите АТЭС в Перу в ноябре 2016 г., президент СРВ Чан Дай Куанг подчеркнул, что организация саммита АТЭС–2017 является главным приоритетом внешней политики Вьетнама в предстоящий период. «Вьетнам сделает все возможное для успешного проведения этого события, что внесет активный вклад в сотрудничество в рамках АТЭС и будет способствовать процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона», – заявил глава вьетнамского государства¹³.

В рамках года АТЭС–2017 в различных городах по всему Вьетнаму было организовано порядка 200 конференций и форумов. В рамках Вьетнамского председательства Деловой саммит АТЭС прошел 8–10 ноября 2017 года в г. Дананг (пятый по величине город в стране). Впервые мероприятия Года АТЭС проводятся не в Ханое, что нацелено на ознакомление делегатов с экзотической красотой природы страны, а также пропаганды образа Вьетнама и вьетнамских предприятий в регионе и мире. Как подчеркнул вице-премьер и министр иностранных дел СРВ Фам Бинь Минь, возглавлявший государственный оргкомитет по подготовке саммита АТЭС, «все это поможет продвижению имиджа Вьетнама как динамично развивающейся, гостеприимной и безопасной страны»¹⁴.

По словам Фам Бинь Миня, «год АТЭС–2017 станет самым важным для Вьетнама внешнеполитическим событием последних лет, которое подтвердит курс страны на активную международную интеграцию и будет способствовать повышению роли и позиций СРВ на международной арене»¹⁵.

Вьетнам внес в повестку АТЭС–2017 встречи нового формата, в первую очередь – конференцию Doing Business Viet Nam с участием Всемирного банка. Основная идея этой конференции – показать иностранным партнерам, что Вьетнам придерживается курса на дальнейшее обновление страны и активную международную интеграцию вне зависимости от дальнейшей судьбы Соглашения о Транстихоокеанском

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ ТАСС, 01.01.2017.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

партнерстве. В любом случае страны Азиатско-Тихоокеанского региона по-прежнему остаются ведущими торгово-экономическими партнерами СРВ.

Присоединение Вьетнама к АТЭС позволило запустить процесс проникновения вьетнамских товаров на крупнейшие рынки мира за счет предусмотренной либерализации торговых и инвестиционных отношений в рамках группировки. Актуальными темами повестки 2017 г. стали инициативы по поддержке малого и среднего бизнеса, развитие людских ресурсов, меры по сокращению разрыва в уровне развития между странами мира, развитие сельского хозяйства, обеспечение продовольственной безопасности, сохранение и развитие источников пресной воды¹⁶. Все эти вопросы привлекают внимание не только Вьетнама и его партнеров по АТЭС, но и всех участников сегодняшнего международного сообщества.

Стоит отметить еще одну черту внешней политики Вьетнама. Руководство СРВ единодушно заявляет о продолжении интеграции Вьетнама в мировое сообщество, используя для этого такой международный форум, как АТЭС. Это вызвано необходимостью послать сигнал мировому сообществу о том, что, несмотря на произошедшую ротацию партийно-государственных кадров в высшем эшелоне власти Вьетнама на XII съезде КПВ в январе 2016 г., либеральные экономические реформы будут продолжены, как и весь курс «обновления».

Но руководство Вьетнама преследовало не только торгово-экономические цели. Возвращение к вьетнамской традиционной культуре, о чем говорилось выше, происходит одновременно с укреплением позиций нормативной идеологии социализма с вьетнамской спецификой. Если в предыдущее десятилетие популяризация традиционной культуры происходила вне сферы официальной идеологии, то в настоящее время вопрос о характеристике «вьетнамских ценностей» стал ее составной частью. Саммит АТЭС 2017 г. в этом плане дал Вьетнаму отличную возможность для популяризации страны и ее туристического потенциала на международной арене. Помимо прекрасной природы и неповторимой национальной кухни, страна славится многочисленными культурно-историческими памятниками. Зарубежных друзей, приехавших на саммит АТЭС, Вьетнам хотел познакомить с культурными и нравственными ценностями своего народа. В частности, гостям саммита АТЭС организаторы предполагали преподнести в качестве памятного сувенира статуэтку, изображающую скульптурную композицию «Мать и ее дети», которая символизирует мифологическую прародительницу вьетнамского народа – фею Ау Ко. В условиях распространения конфликтов и войн в современном мире послание о великом значении семьи, сплоченности и любви, которое содержится в истории о чудесной прародительнице вьетнамского народа, должно было стать символом стремления форума АТЭС к созданию более гуманного мира¹⁷.

Недавний саммит АТЭС 2017 г. – форум, где встречаются Восток и Запад – происходил во Вьетнаме, но впервые не в столице (Ханое), а в Дананге, чтобы показать главам государств, прибывших на встречу, красоту южной природы Вьетнама, близость Тихого океана и т.д.

В этом можно увидеть аналогию с саммитом стран БРИКС (Россия, Китай, Бразилия, Индия и ЮАР) 4 сентября 2017 г., состоявшемся в южнокитайском городе Сямэнь, а не в Пекине, что очень понравилось участникам этого саммита¹⁸.

Таким образом, на современном этапе во Вьетнаме происходит использование международных форумов для продвижения национальных традиций Вьетнама, чего раньше не было. Это новое и значимое явление, поэтому, повторим, что, если в предыдущее десятилетие популяризация традиционной культуры происходила вне сферы официальной идеологии, то в настоящее время «вьетнамские ценности» стали ее составной частью. Следует также подчеркнуть, что подобное новшество стало реальностью после аналогичных действий руководства КНР.

Поворот к поиску «китайских ценностей» начался еще в 1990-е гг., когда китайское интеллектуальное сообщество взялось за попытки восстановить «национальное учение» (госюз) как традиционную систему знания, существовавшую до заимствования западных наук¹⁹.

Затем вопрос о характеристике «китайских ценностей» переместился из сферы культурологии в область практической политики. Си Цзиньпин в ходе зарубежных визитов (особенно заметно это было в 2013–2014 гг.) прилагал большие усилия для того, чтобы рассказать иностранцам о ключевых достоинствах китайской традиционной культуры и ее возможном вкладе в будущее развитие мировой цивилизации. Новизна идеологического проекта Си Цзиньпина состоит в том, что вместо защиты от проникновения западных ценностей, теперь добавилась работа по созданию «системы китайских

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Здесь мы вновь видим использование термина конфуцианского учения: «гуманный мир».

¹⁸ URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/04/brics/>

¹⁹ Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. Т. XIII, №5 (сентябрь–октябрь 2015). С. 146.

ценностей»²⁰. Следующее заявление Си Цзиньпина не оставляет сомнений в позиции китайского руководства в этом вопросе: «Для решения китайских проблем подходящие пути и методы можно искать только в Китае. Насчитывающая несколько тысяч лет китайская нация встала на путь цивилизационного развития, отличающегося от других стран и наций. Мы не случайно открыли путь социализма с китайской спецификой, это определено историческим наследием и культурной традицией нашей страны»²¹.

Как считают российские специалисты, нынешний китайский курс делает все более призрачными ожидания перехода от экономического роста к политической либерализации западного образца²².

Как можно видеть, идеи и действия современного китайского руководства имеют много общего с таковыми во Вьетнаме. Но в своих публичных высказываниях официальный Вьетнам предпочитает дистанцироваться от Китая, подчеркивая свою самостоятельность в политике. Так, во время официальной встречи делегации политической академии им. Хо Ши Мина в Москве с директором ИДВ РАН С.Г. Лузяниным, на его вопрос о том, что в Китае широко изучается «социализм с китайской спецификой» и можно ли говорить о социализме с вьетнамской спецификой, в ответе прозвучало, что Вьетнам развивает социализм по-своему, но не применяет термин, подобный китайскому. Конечно, в чем-то модели двух стран схожи: обе признают важность государственного управления, в том числе в рыночном хозяйстве, руководящую роль партии, широкое участие общественных организаций. По словам вьетнамских ученых, СРВ широко использует опыт других стран, но сама определяет цели и направление своего развития. Марксизм-ленинизм и идеи Хо Ши Мина – это основа вьетнамской идеологии, подчеркнули вьетнамские ученые²³.

Анализируя современное состояние Вьетнама, политику КПВ как внутреннюю, так и внешнюю, можно сказать следующее. Руководство Вьетнама на протяжении вот уже двух десятилетий последовательно проводит курс на восстановление статуса сильного регионального государства, используя все возможные внешнеполитические ресурсы и заботясь о создании привлекательного политического имиджа в ЮВА и АТР. С этой целью, а также для привлечения жизненно важных иностранных инвестиций Вьетнам проводит политику «открытых дверей», либеральные экономические реформы и т.д. В качестве инициатора и руководителя политики «обновления» выступает монополюс правящая КПВ, располагающая на настоящий момент достаточным «кредитом доверия» со стороны населения.

Выдвигая амбициозные планы развития, способные вывести Вьетнам на позиции «влиятельной региональной» (средней) державы к началу следующего десятилетия, власти стремятся консолидировать общество в преддверии трудных реформ, которые предстоит провести в ближайшие годы для того, чтобы обеспечить «двойное удвоение» для решения задач, намеченных XII съездом КПВ.

Тем не менее, выдвигая столь демонстративно на первый план возвращение к национальным ценностям и традициям, как было показано выше, руководство Вьетнама недвусмысленно показывает приверженность страны к понятиям, получившим название азиатских ценностей, что вступает в противоречие со всем современным контекстом либерализма и толерантности западноевропейского мира. Спор об «азиатских ценностях» отражает серьезные геополитические сдвиги, появление новых центров силы в мире и серьезные вызовы западной либерально-демократической идеологии. Тем самым значение этого спора выходит далеко за рамки Азии.

«Азиатские ценности» стали противопоставляться европейским лишь тогда, когда ряд стран Азии добился действительно впечатляющих успехов в экономическом развитии и повышении уровня жизни населения. До этого все азиатское, в том числе и ценности, нередко воспринималось как синоним отсталости и деспотизма, в том числе и лидерами азиатских стран. Характерный пример – борьба руководства маоистского Китая против конфуцианства, которое сейчас преподносится как один из столпов «азиатских ценностей» в политической риторике.

Когда идет речь о конфликте между «азиатскими ценностями» и правами человека, обычно имеются в виду «права первого поколения», гражданские и политические, и то предпочтение, которое отдается им в рамках западной политической парадигмы. В свою очередь, идея прав «первого поколения» базируется на характерных для западной культуры и мыслительной традиции глубоко индивидуалистических представлениях о том, что индивиды первичны, а общество вторично, и главное – это обеспечение безопасности индивидов от общества и государства с помощью некоей «защитной оболочки» прав.

В ряде восточноазиатских стран, в основном в 1990-е гг. прошлого столетия, были сформулированы, а затем и приобрели статус государственной идеологии, некоторые представления об «азиатских ценностях», прямо противопоставленные этим идеям о правах человека. Наиболее видными сторонниками «азиатских ценностей» стали некоторые высокопоставленные руководители Сингапура (прежде всего

²⁰ *Ibid.* С. 149.

²¹ *Ibid.* С. 148.

²² *Ibid.* С. 149.

²³ *Кобелев Е.В.* Встреча с делегацией академии Хо Ши Мина. Москва, ИДВ РАН. 01.12.2014.

знаменитый сингапурский премьер Ли Куан Ю), Малайзии (не менее знаменитый премьер Махатхир Мохамад) и Китая, хотя сходные идеи высказывались и представителями авторитарного руководства Филиппин и Индонезии.

Во-первых, утверждается, что азиатские общества значительно меньше, чем западные, ценят свободу и значительно больше – порядок и спокойствие. Их отличает уважение к власти. Во-вторых, что они высоко ценят коллективизм, солидарность и отвергают индивидуализм. Интересам сообщества и общества в целом отдается предпочтение перед интересами индивида. Чрезвычайно большое значение придается семье. В-третьих, для них характерна большая приверженность традиционным нравственным ценностям, дисциплине, бережливости и высокой трудовой этике²⁴.

Значение сообщества в азиатской культуре, то предпочтение, которое отдается ему перед индивидом, несовместимо с предпочтением личности перед обществом, на котором основана западная идея прав человека. Взаимоотношения личности и общества составляют ключевое различие азиатских и западных ценностей. Официальная декларация правительства Сингапура под названием «Общие ценности» (1991) констатировала, что «акцент на сообщество является ключевой ценностью для выживания Сингапура». Права человека и правовое государство, согласно «азиатской» точке зрения, являются индивидуалистическими по природе и поэтому разрушительны для социальных механизмов Азии. Рост числа насильственных преступлений, бездомности, разводов и наркомании приводится в качестве свидетельства того, что западный индивидуализм (особенно в его американской разновидности) потерпел крах²⁵.

Азиатские общества ставят социальные и экономические права и «право на экономическое развитие» выше политических и гражданских прав индивидов.

В ряде азиатских стран, и в том числе во Вьетнаме, полагают, что экономическое развитие будет более успешным, если руководство сохранит право ограничивать эти права во имя политической стабильности.

Кроме того, существует устойчивое мнение (в Китае, Вьетнаме, Сингапуре), что права человека – внутреннее дело любой страны, в которое не должны вмешиваться другие государства или международные организации.

Попытки Запада применять универсальные стандарты прав человека к развивающимся странам являются прикрытием культурного империализма и попытками помешать их развитию, о чем неоднократно делались официальные заявления, например, во Вьетнаме.

Изложенным положениям обычно противопоставляется их критика со стороны Запада: утверждение о том, что под «азиатскими ценностями» понимаются всего лишь архаичные ценности, ценности традиционного общества, которые неизбежно должны «уйти» в процессе модернизации; утверждение о том, что пропаганда «азиатских ценностей» и их несовместимости с правами человека в западном понимании есть всего лишь способ легитимации авторитарных режимов Азии, оправдания их антидемократической политики, подавления оппозиции, произвола властей и т. д.²⁶

Дискуссия об «азиатских ценностях» связана с еще одной фундаментальной проблемой – демократии и модернизации. Для многих стран азиатского мира проблема заключается в том, что ранняя демократия дестабилизирует общество. Причины очевидны – старые политические институты и механизмы уже не работают, а новые еще не установились, отсутствует демократическая политическая культура и т. д. Получаемые со стороны Запада рекомендации обычно состоят в том, чтобы проводить все реформы одновременно, и как можно скорее вводить политическую демократию, чему многие страны противятся в силу указанных выше причин. Именно подобную картину мы наблюдаем во Вьетнаме, где существуют большие опасения относительно ускоренного проведения как экономических, так и политических реформ. В этом сложном процессе КПВ видит задачу сохранения политической стабильности и сплоченности общества (приоритет номер один), себе же она отводит роль гаранта этой стабильности²⁷.

Нельзя не остановиться и на еще одной важной проблеме, о которой шла речь в этой главе – это отношение к традиции. Зачастую историческая и культурная традиция мало соответствуют политическим и правовым институтам, о заимствовании которых идет речь. Ответ состоит не в консервации традиции и не в ее уничтожении, а в уважении традиции. Консервация традиции есть путь в никуда, и возникшее за пределами стран Азии не означает «неподходящее для них». Возникшие в западной культуре ценности прав человека в определенном смысле универсальны. Таким образом, в дальнейшем, процесс культурной трансформации в традиционных обществах, вступая в заключительную стадию, предполагает достижение

²⁴ URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7175>

²⁵ *Ведомости*, 20.07.2006.

²⁶ URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7175>

²⁷ *Новакова О.В., Логинова В.Н.* Вьетнам «у себя дома» и в АТР (сквозь историческую призму) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XXIII. М., 2014. С. 60.

устойчивого синтеза местной культурной традиции с общечеловеческой культурой²⁸.

Основное же различие на данном этапе западноевропейской концепции от азиатской состоит в том, что азиатские культуры стремятся к целостному, недифференцированному восприятию мира, к гармонии, а западные придерживаются противоположных ориентаций. По мнению многих исследователей, истоки этой черты азиатских культур – в их аграрной природе. Аграрная доминанта сохраняет в них свою силу и по сей день. Ее суть определяется признанием гармонии трех начал – Неба, Земли и Человека. Любая фальшивая нота в этой гармонии рождает дисгармонию, что само по себе очень опасно, так как в созданной на этой основе картине мира нет места случайному, ничто не может возникнуть из ничего или исчезнуть бесследно²⁹.

Целостное мировосприятие и порожденное им стремление к гармонии определили и характер отношения азиатских народов к природе, экономической деятельности и властным структурам. Вместо типичного для западного человека стремления господствовать, для мировосприятия и поведения азиатских народов характерно стремление к жизни в гармонии с естественным миром³⁰. Особенно ясно это можно видеть на примере стран китайского цивилизационного влияния.

Подводя итоги, можно отметить, что уникальность дальневосточного мобилизационного прорыва в значительной степени основана на традиционном конфуцианском наследии, творческое применение которого позволило этим странам существенно повысить свой статус в рамках меняющегося миропорядка. Именно потому, что конфуцианство окончательно умерло, его духовное наследие может быть реинвестировано в новый менталитет, не входя в противоречие с требованиями современного развития.

В настоящее время результаты экономического развития стран «конфуцианского мира» настолько весомы, что им под силу произвести изменение мирового баланса в пользу АТР. Отметим, что две самые большие и самые теперь развитые в экономическом отношении страны: Япония и Китай и их взаимоотношения будут в будущем определять ситуацию в регионе и те отношения, которые будут складываться у них с их партнерами³¹.

Можно предположить, что в новом «китаизированном мире» происходит формирование новой цивилизации, аналогичной Западу по экономическим, техническим и научным параметрам, но опирающейся на другую систему ценностей, другую концепцию организации общества, видения мира, обусловленных колоссальной разницей культур. Затруднение также в том, что культура стран «конфуцианского мира» одна из наиболее трудно проницаемых, одна из наиболее не прозрачных культур. Возникающая новая ситуация впервые не диктуется Западом. В этом плане позиции России на Дальнем Востоке и в АТР могут приобрести совсем другой угол измерения, во многом благоприятный для нее, так как в ее имидже отсутствует колониальный синдром у восточных народов при условии, что Россия вовремя осознает необходимость настоящего диалога со странами «конфуцианского мира» и укрепления там своих позиций.

²⁸ История Востока. Том IV, книга II. М., 1995. С. 5–11.

²⁹ Азиатские ценности.
URL: ru.knowledgr.com

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Vandermeerch L. Le nouveau Monde sinisé. Paris, 1986. P. 213.*